

3. Колас, Я. Новая зямля [Электронны рэсурс] / Я. Колас // Беларуская палітыка. – Рэжым доступу: http://knihi.com/Jakub_Kolas/Novaja_ziamla.html. – Дата доступу: 05.09.2019.

4. Мартынова, А. Г. Выборгский «ностальгический пейзаж» финских художников-переселенцев (эвакко) / А. Г. Мартынова // Искусство и культура. – № 2(30). – 2018. – С. 41–46.

МИФОЛОГЕМА «ДОМ» КАК КЛЮЧЕВАЯ КАТЕГОРИЯ КОНЦЕПЦИИ РОДСТВЕННОГО ВНИМАНИЯ МИХАИЛА ПРИШВИНА

*Н. А. Меркурьева,
кандидат филологических наук, доцент,
первый проректор Орловского государственного института культуры*

М. М. Пришвин обладал великой способностью вживаться в природу, предлагал всмотреться в нее, как в зеркало, в котором человек может разглядеть свое настоящее лицо. В том родственном взаимодействии, о котором говорит писатель, руководящая роль принадлежит человеку, творящему свое «небывалое». Это делает его способным выйти к миру-дому, ожидающему нашего сочувствия и деятельного участия. Мифологема «дом» включает в одно художественное пространство архаические первосмыслы и авторское мифотворчество.

В постреволюционное время концепт дома переживает процесс катастрофического искажения. Предельно мечтаемым идеалом становится «кочующий пролетарий», не имеющий веры, семьи и дома, призванный «пуповину от Бога (читаем: и от мира, и от дома. – М. Н.) отрезать» (М. М. Пришвин). М. М. Пришвин наследует от Ф. М. Достоевского традицию изображения «бессловесных» рабов, разболтанных обезбоженных «бесов» и «бесенят», устраивающих в амфир-

ных дворцах колонии, где хозяин – Культком. «В каком виде все тут внизу осталось, срам и рассказывать, – сокрушается писатель, – не потрудились даже вымести шелуху от подсолнухов, полное безобразие: валяется белая туфля без каблука, стоптанный валенок, и на ступеньках из дряни грибы растут и зеленые мухи летают, – гадость ужасная» [5, т. 2, с. 487]. Вот, кажется, и достигли долгожданного единения. Но, нет, получилась коммуна. «Кому на, а кому бя», – констатируют мужики [5, т. 2, с. 549]. М. М. Пришвин придумывает еще более жуткий, нежели у предшественника, образ для обозначения власти коммуны. По поводу «муравейника» или «курятника» еще можно иронизировать, «хрустальному дворцу» можно попробовать «тайком кукиш показать». Пришвинский «чан», поглощающий Алпатова после стакана неимоверно вонючего спирта, – это сам ад, обнаженная бездна, в которую попадали люди, возлюбившие вместо Христа Карла Маркса. В «чану» том «вертятся и крутятся черные люди со всем своим скарбом вонючим и грязным, не разуваясь, не раздеваясь, с портянками, штанинами, там лапоть, там юбка, там хвост, там рога, и черт, и бык, и мужик, и баба варит ребенка своего в чугушке, и мальчик целится отцу своему прямо в висок ...» [5, т. 2, с. 515].

М. М. Пришвин, переживший реально свершившуюся революцию, о которой предупреждал Ф. М. Достоевский, в своей жизни ощутил безграничную власть хама, торжествующего над человечностью. Рисуя символическую картину революционной России, писатель, нисколько не обольщаясь в отношении духовного естества кочующего пролетария, пишет: «Вот сама хозяйка дома, вероятно, когда-то богатая барыня, вышла сама с метлой на улицу, а некий хам привез целый воз всякой нечисти, навоза, льда вместе сдохлыми собаками и кошками и свалил все в переулок против дома, где моя хозяйка чистила улицу. И некому хама остановить: свалил и уехал себе безнаказанно» [3, с. 64]. Хам, Карл Маркс,

«статуй», превратившие болезненно любимым писателем дом, родину в кучу вонючего хлама, лишь мелкие «бесенята», за которыми вырастает узнаваемая соблазнительная фигура. Эту фигуру видим вместе с М. М. Пришвиным в одном из его тревожных снов. Мефистофель, обернувшийся «маленькой черной собачкой», пытается отрезать писателю дорогу домой.

Особенно болезненно автор «Мирской чаши» переживает разрушение усадебного быта, бывшего не только физической, но и духовной скрепой страны. При том что он честно ищет резоны в действиях новых людей с топорами, в его прозе и дневниках появляются одна за другой пронзительно тоскливые картинки. Дом, в котором руки молитвенно складываются на рассвете, чтобы человек мог стать участником «сотворенного» и «вечного» мира, вытесняется новым домом коммунии – номером гостиницы, где селится теперь грязный хам. Здесь шорохи, запахи, «что-то не свое, раздражающее», имитация семейной жизни, имитация жизни вообще. [2, с. 152]. Или: «Неподвижно. Спущены тюлевые занавески. Лики икон, единственные лики, и вдруг догадываешься, что пусты дома. Цветы возле домов, куст жасмина, и розы, и сор возле. ... Село в лесу: были сады, люди строились, потом заборы свалили, стали как в лесу» [2, с. 113].

Интересно это антитетическое «дом» – «лес», которое, по словам Е. М. Млетинского, можно определить как основной амбивалентный архетипический мотив «космос» – «хаос». Исследователь подчеркивает, что космическое пространство противостоит хаосу, «как внутренне организованное пространство – внешнему» [1, с. 50]. Лес здесь не разомкнутая граница в мир, а зловещая пограничная зона между живым и мертвым, причем мертвым в метафизическом плане, превратившимся в первобытное.

Символом гармонично организованного пространства, космоса становится как раз дом. Образ дома – храма, в кото-

ром живет душа, даже когда он разрушен, часто встречается на страницах дневника М. М. Пришвина. Так, 12 марта 1919 г. появляется запись, в которой писатель пытается определить метафорическое значение приснившегося ему сна. «Я видел сон, будто я в дороге, еду с поклажей неизвестно где, неизвестно куда и со мною Лева. Останавливается моя лошадь, и вижу я, будто нахожусь во дворе перед нашим старым домом, сижу уже один, без Левы, на семейной нашей старинной линейке. Вокруг меня все родное: вот направо от входа лимон, посаженный еще покойницей няней, вот по двору по траве-мураве тропинка к леднику... А стекла в доме все выбиты, дом пустой, внутри, видно, разломано, как теперь. Но мне удивительно и радостно видеть все свое, родное, во всех подробностях, мне сладостно впитаться чувством во всякую мелочь, всякий камешек, всякую мертвую для всех бездушку природы, я смотрю – пью в себя и удивляюсь и благодарю кого-то, что дал мне видеть. ... Родина моя, за сколько тысяч верст сейчас я от тебя! Какое счастье, что хоть во сне удалось повидать тебя» [3, с. 263–264]. Примечательно, что М. М. Пришвин никогда не связывает образ дома с образом его хозяйки, хранительницы очага. Дом либо ассоциируется с матерью (мать – «фокус» любимого места, дома), либо писатель в нем один (здесь, например, Лева уходит, оставляя отца в одиночестве). Дом для М. М. Пришвина – макет мироздания, в нем живет «живая душа». Оскверненный, он остается храмом, потому попытка к нему вернуться воспринимается как возможность найти приют для души. Отсутствие же дома, читаем у М. М. Пришвина, как синоним духовной бездомности.

Стоит отметить, что при всех усилиях обнаружить сакральное в новом М. М. Пришвин все же укрепляется в мысли о том, что это сакральное следует извлечь из прошлого, опереться на него как опираешься на предков, мать, Бога. Это не тот дом из прошлого, в котором живет диковатый

мужик Гусек («Кашеева цепь»). Хотя в определенный период хождения за «волшебным колобком» именно хата Гуська представлялась писателю символом абсолютной свободы, и он с восторгом внимал гомону птичьего дома. Дом, полный птиц, птичий дом раскрывался во вселенную метафорой свободы самого Гуська, ощущающего себя частью общего дома-мира. Опускаясь на колени, герой вместе с самцом-перепелом шептал «страстно»: «Ма-ва!» [5, т. 2, с. 26]. Птица и человек «глядели друг на друга: очи в очи, клюв в клюв» [5, т. 2, с. 27].

Мифологема «дом» в структуре пришвинского хронотопа приводит нас к мысли о человеческой идентичности. В стремлении ко всеобщему герои М. М. Пришвина напряженно ищут путь преодоления личного. Ключом к счастью становится возможность войти в тот мир, где «“я” делается душой всего». Но именно ощутив личное, осознав себя хозяином дома, сотворцом, человек размыкается до предельно возможного. Любимым православным образом писателя была Неупиваемая чаша – сосуд неиссякаемого милосердия. Явившийся в финале его первого романа («Мирская чаша») образ мирской чаши – человеческой души, раскрытой навстречу всему сущему, оказался сквозным. Герой книги Савин принимает в свои ладони распятое окровавленное солнце, спасая мир-дом. «Моя душа – душа мира» – рефрен пришвинской прозы. Ее кредо – «из людей, цветов, птиц и животных – сложился Весь человек» [5, т. 3, с. 198].

Художнику очень близок образ путника, по дороге вбирающего в себя все, от земли до неба. Дорога человека – движение к «светооткрывающей» истине. В свете родственного внимания весь мир предстает собором твари, связанной узами единства. Однако в большом движении ко всеобщему необходимо следовать писательской максиме: «Судьба каждого – вернуться в свой дом» [5, т. 4, с. 8]. Эта безусловно прочитываемая евангельская аллюзия на притчу о блудном

сыне вмещает в себя все возможные смыслы и пути, ведущие к покаянию и прощению.

1. Мелетинский, Е. М. О литературных архетипах / Е. М. Мелетинский. – М. : РГГУ, 1994.

2. Пришвин, М. М. Дневники. 1914–1917 гг. / М. М. Пришвин. – СПб. : Росток, 2007.

3. Пришвин, М. М. Дневники. 1918–1919 гг. / М. М. Пришвин. – СПб. : Росток, 2008

4. Пришвин, М. М. Дневники. 1920–1922 гг. / М. М. Пришвин. – М. : Моск. рабочий, 1995.

5. Пришвин, М. М. Собрание сочинений : в 8 т. – М. : Худ. лит-ра, 1982–1986. – Т. 2. – С. 26–515 ; Т. 3. – С. 198 ; Т. 4. – С. 8.

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ КАК ТЕХНОЛОГИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (на примере Смоленского региона)

Е. С. Мертенс,

*кандидат педагогических наук, доцент,
заведующий кафедрой библиотечно-информационной
деятельности и музеологии Смоленского государственного
института искусств (Россия)*

Социокультурное проектирование в современной культурной среде является важным ресурсом развития регионов России. Проектная деятельность социальных институтов (образовательные учреждения, библиотеки, музеи и др.) может рассматриваться как технология межкультурной коммуникации. Особенно ярко это проявляется в ходе участия в конкурсах на получение грантов, в реализации программ и проектов. Развитие социокультурного проектирования осуществляется в конкурентной среде, где есть место выстраиванию партнерских отношений на уровне стран, регионов,